

«Слушайте, а что вы все вдруг так бурно нами заинтересовались?» — допытывается Александр СОКОЛОВ, директор Музея «Сарай и Шалаш Ленина в Разливе». У Александра Николаевича неиссякаемый поток ходячих от газет и телевидения... Не знаю, как коллеги, — а я сюда с весны собиралась, когда появилось сообщение, что тамошнюю территорию будут развивать, что свезут туда оставшиеся в городе памятники Ильичу, и так далее. Хотелось подробностей — но все как-то руки не доходили. Вот, дошли.

ПО ЛЕНИ

С 17-ГО ГОДА ШАЛАШИ П

В Разливе предполагается свозить оставшихся бронзовых, мраморных, гипсовых и т. д. ильичей.

Александр Соколов тут — новенький, руководит всего полгода. Стал директором в результате конкурса, объявленного администрацией Курортного района. А до того был... инженером в Третьем маршрутном парке — эта организация как раз наиболее активно выступает за развитие здешней территории. (Правда, потом выясняется, что Соколов был и морским офицером, и спортом занимался нешуточно.)

— А может, вы конкурс выиграли потому, что вашу кандидатуру поддержал Третий парк?

— Я этого не исключаю, — невозмутимо заявляет Александр Николаевич. — Но, видимо, районной администрации понравилось и то, что мы представили концепцию развития территории. А концепцию эту составляли профессионалы — специалисты из Санкт-Петербургского фонда музеев города; в частности, тот фонд придумал фестивали песчаных и ледяных скульптур у Петропавловской крепости.

— Лично вас что зацепило в той программе развития?

— Может быть, это пафосно прозвучит, но у нас сверхзадача — чтобы на северном побережье Финского залива было что-то равнозначное югу — Петергофу, Ораниенбауму, Константиновскому дворцу, Гатчине, Царскому Селу. Конечно, тягаться с ними безумно — но я говорю о том, чтобы хоть как-то уравновесить, чтобы люди сюда приезжали.

— Не смущало, что вы вообще-то не музейщик?

— Еще как! Мне на конкурсе так и заметили: «Вы же не музейщик». Я сказал, что это мой огромный недостаток и что обязательно буду учиться. Надо, надо курсы закончить — не для корочки, конечно. И в законодательной базе надо разбираться, и в тематике.

— Герой экспозиции у вас такой... неоднозначный. Как у вас с политическим самоопределением — на тему «Я и Ленин»?

— Я определяюсь скорее по теме «Я и музей». Не скажу, что это назначение судьбоносное, что я мечтал об этом всю жизнь... Но вот общаться, рассказывать — это мое. Это я умею. Смотритель устроит вам экскурсию в Сарай или Шалаше на 15 минут — я 2 часа могу об этом говорить, и все эти 2 часа вы будете слушать меня, открыв рты. А могу и 5-часовую экскурсию провести. Дело даже не в Ленине. Я просто загораюсь темой — и начинаю копать. Вон, в Европе из ерунды конфету делают: возьмут замок старинный, увешают его легендами о привидениях — и туристы в восторге. А на наших землях столько всего: археологи стоянки древних людей откапывают, в парке «Дубки» деревья сам Петр I сажал (об этом все знают?). А Сестрорецкий инструментальный — бывший оружейный — завод? Почему и «Дубки», и завод в списке ЮНЕСКО как всемирное наследие состоят — все знают? И знают ли об истории самого озера Разлив? Многие ведь не в курсе, что оно искусственного происхождения: Петр здесь велел строить плотину, перегородил реки Черную и Сестру — и вода разлилась...

Мой подход простой: надо, чтобы людям было ин-те-рес-но. И комфортно. Раньше музей нес идеологическую нагрузку — донес, и слава богу. Теперь задача сменилась: мы должны нести историческую нагрузку. Вот вы пришли в музей — и вам рассказали, «как это было». Тут передачи Сванидзе шли в повторе — так я сотрудникам приказал: так, хватит работать, давайте смотреть телевизор. Учимся, как информацию подавать. Ведь его интересно слушать — независимо от того, нравится тебе эта информация или нет. А человек сам потом расставит плюсы и минусы, у нас люди с головой... На самом деле, когда на эту должность шел — было беспокойство. Но совсем другого характера: в прессе пишут — то в Пушкине памятник Ленину стащили, то другой памятник краской залили. У меня такое случится — что я буду делать? Я же несу ответственность. Но вот что интересно: здешние пацанята, которые понятия не имеют о Ленине (не потому что они плохие, а потому что в программе школьной им этого уже не дают), — знают музей, покажут, проведут. Потому что это Наш Музей. Потому что это Наш Город Сестрорецк, которому скоро 290 лет будет.

Если нет машины, самый простой вариант добраться сюда — по ж/д от Финляндского вокзала на сестрорецкой круговой электричке. Если нужен Сарай выходите на станции Разлив: музей метрах в 400 платформы. Если нужен Шалаш — выходить надо станции Тарховка, а потом топтать 5 км пешком в руг озера. Можно также ехать на маршрутке по П морскому шоссе — но до Шалаша все равно пешк

САРАЙ. ЛЕНИН В ИЮЛЕ

Сарай (если вы давно там не были — напоминаем; если не были никогда — сообщаем) — больше похож на малогабаритную квартиру. Снаружи много оригинального (с того июля 17-го года).

Александр Николаевич начинает: «Сейчас наша с вами задача — прозонить пространство и время и почувствовать себя в июле 17-го года...» И пошел-поехал двухчасовой рассказ. Сюда стоит ехать хотя бы ради экскурсии в исполнении Александра Соколова — посмотреть, как это можно: рассказывать о тех днях и тех людях и не вызывать у кого-то — обиды, у кого-то — изжоги. Вызывать удивительно чистый, почти без всяких примесей интерес.

«...Июль — август 17-го года в жизни Ленина — очень тревожные. Как может себя чувствовать 47-летний, да и вообще

любой, человек, над за физического уни любимых словечек Л — «укокошат»; так и укокошат, то...»

«...Почему решили Сестрорецке? Первая же финская граница, становить человека в входящей в Российской раничена. А для втор краеведение».

И мы уходим в край ем, что и правда лучше тут же Сестрорецкий рабочие — не варяги. Если учесть, что к то уже 190 было, можнс какой там сколотилс рабочего класса: ум с оружием люди, ко

Не исключено, что за этот топор держался Ильич.

«ЗА С С ПРЕС Фотогр; ком-шеве. Николай А дежда Ко тий Емель сти загор хизма; го; чем: посл кутирова на и 16-л дратий по нет боль сгинет — но, расст

Соколов — бывший спортсмен, бывший флотский офицер, бывший инженер — а теперь директор музея.

ДОМ ЕМЕЛЬЯНОВЫХ

Поселок Разлив; тут каждый покажет, как добраться до обеих достопримечательностей — Сарая и Шалаша. Заодно переспросят: вы уверены, что вам нужен именно Сарай? А то вечно путают: городским-то что шалаш, что сарай — один черт.

Сарай возникает как бы исподтишка. Едешь по поселковой дороге — и вдруг, среди деревянных домиков, — он, высокий, светло-коричневый, в стеклянном футляре. Но нам пока не туда — нам в дом Емельяновых, которые в июле 17-го укрывали у себя Ленина и Зиновьева (тем, кто тут давненько не бывал, придется заучить, что с Лениным прятался и Зиновьев — о пребывании которого в Разливе, правда, сведений сохранилось мало: в свое время «врага народа» вычеркнули из всей этой истории). Адрес дома Емельяновых легко запомнить: улица Емельянова, 3. Кстати, по соседству живут Емельяновы — родственники тех самых.

В добротном доме Емельяновых (он был завещан государству) — музейная администрация. Пахнет деревенским жильем. Мы с фотоаппаратом сидим и отвечаем письменно на анкету с вопросами типа «Считаете ли вы, что главное — не идеи (как бы хороши они ни были), а наличие активного лидера, которому люди доверяют?». Анкету нас попросил заполнить директор музея, и я подозреваю, что это проверка нашей революционной бдительности.

— Это научные исследования по правовому сознанию граждан, — отвечает на мои мысли Александр Николаевич. — Их проводит Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований — он при большом Университете находится. А поскольку мы хотим, чтобы музей звучал в разных отчетах и исследованиях, то вызвались поспрашивать граждан. У нас ведь разные люди бывают. Особенно в курортный сезон. Придет мужчина в шортиках — и не догадаешься, что депутат Госдумы; или вот дама в летней маечке пришла — оказалось, министр культуры Якутии.

— С одной стороны, внимание общественности для нас хорошо... А с другой — грустно как-то. Проектов много, а реализация все время откладывается. Денег-то нет. Вот вы напишете: «Развитие территории!», а читатели решат, что все уже сделано, пора ехать, смотреть...

— Да вы не беспокойтесь, Александр Николаевич, я постараюсь аккуратно написать...

— Ну да. Еще ни один аккуратно не написал. Поэтому я уж и не беспокоюсь.

Недавно в одной городской газете Александр Николаевич прочитал, что, оказывается, на ленинских местах намечено возводить Диснейленд. И теперь оправдывается перед знакомыми и незнакомыми: «Да не говорил я ни про какой Диснейленд! Я что, сумасшедший — подселать сюда Микки-Мауса?!» Кроме того, из интернета Соколов узнал, сколько стоит вход в Сарай и Шалаш. Так, ерунда какая-то — от 2 до 10 рублей. Но все равно огорчился: на самом деле, осмотр обеих достопримечательностей по-прежнему — бесплатный. Знаете почему? Потому что платный вход делать нерентабельно: пришлось бы нанимать двух кассиров, оборудовать им рабочие места, сейфы, организовывать инкассацию — разорение сплошное.

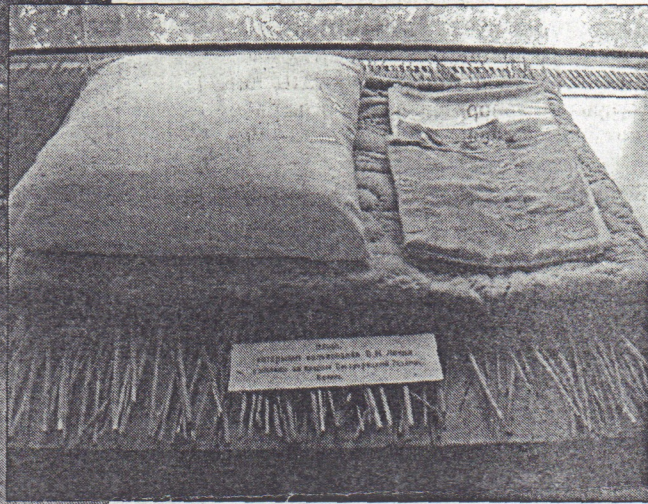
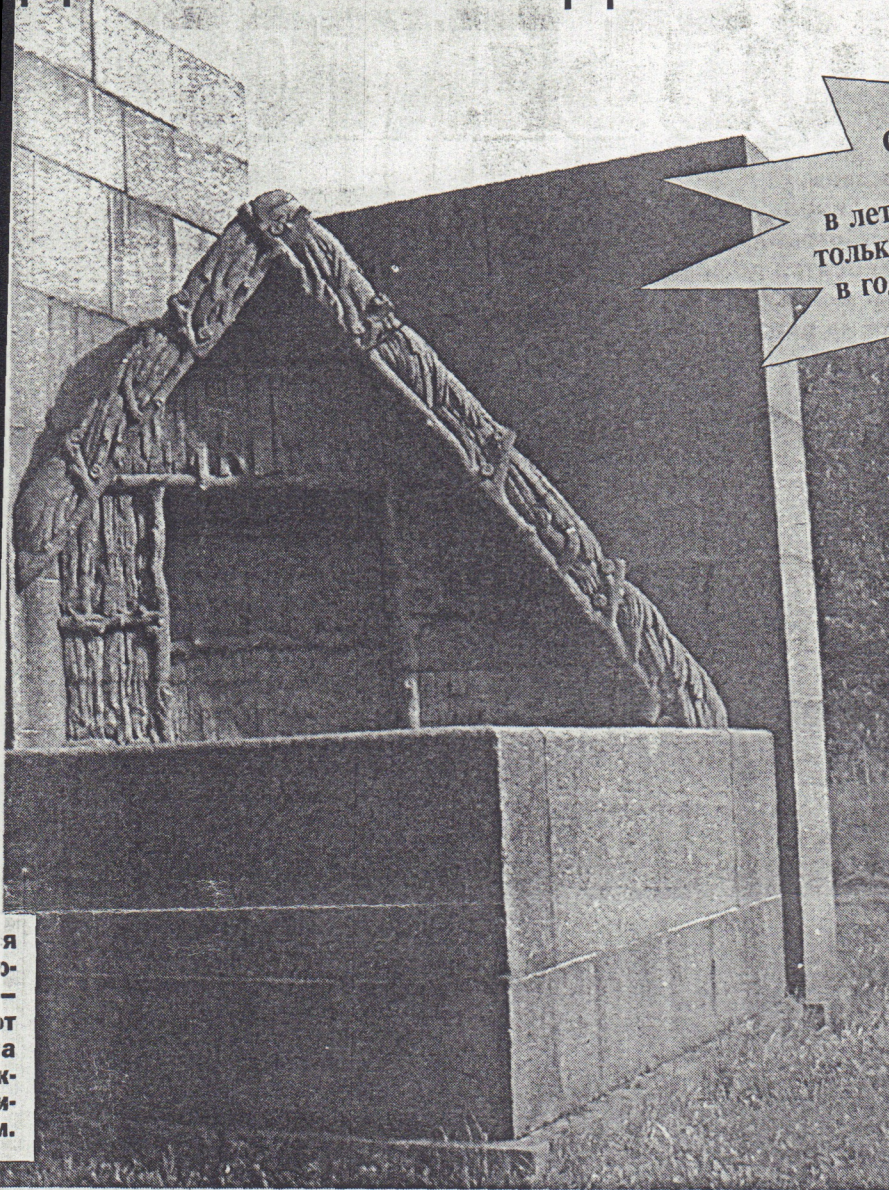
ЛЕНИНСКИМИ МЕСТАМИ

ДОРОЖАЛИ — ДО 60 ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ

Сегодня посещаемость музея — 1600 — 1800 человек в месяц в летний период. Правда, до перестройки только в Шалаш приезжало и 550 тысяч в год. Но тогда и страна была побольше.

Самый яркий экспонат — лодка; потому что она подлинная. Та, в которой Ленина перевозили.

Эта посетительница сидит аккуратно в том месте, где Владимир Ильич чаек попил.

ШАЛАШ

Уже без директора едем к Шалашу — месту, которое когда-то Николай Емельянов арендовал на свои деньги; Надежда Кондратьевна пояснила соседкам, что осенью семейство намерено купить корову, а сейчас вот наняли двух финнов-косарей (финны — Ленин и Зиновьев).

От Сарая до Шалаша — если нет машины — 8 километров топтать. (У Соколова машины нет, поэтому обычно он между двумя музейными объектами передвигается на своих двоих.) Ищем Шалаш. О! Красными буквами на современном сооружении написано: «Шалаш». Это ресторан. Девушка-официантка поясняет, как нам пройти «к шалашу, который не ресторан» (поясняет вежливо, хотя мы ничего поесть не заказывали и таких заблудившихся у нее — в день по дюжине). Идем по тропинке. Воздух прогретый и чистый, кузнечики. Рай.

На поляне — знакомый с детства гранитный памятник «Шалаш». Наверняка день ото дня тут повторяется одна и та же сцена: приезжие, бросив неподалеку машины, озадаченно рыщут возле памятника — ищут настоящий шалаш. Ну, который из сена. Ну, Ленин в котором жил. Ищут напрасно: шалаша нет. Когда-то стоял макет непосредственно рядом с памятником, но и его приходилось раз в 2 — 3 года обновлять. А теперь денег на это нет. Временная самодельная хибара из сена по нынешним временам стоит, согласно смете, 59 тысяч 918 рублей 14 копеек. Считайте, 2 тысячи долларов. Работа, бензин, подвозка, кошение (косить машиной нельзя — только вручную), сушка, сварка каркаса. Еще пропитка специальная — иначе пожарные не разрешат.

В нескольких десятках шагов от памятника — длинный павильон, в котором собраны экспонаты и где бывали Терешкова, Фидель Кастро... да кого сюда только не привозили: культурное место. Сейчас тут очень тихо, темно. Марина — сотрудница музея, а вообще-то не только экскурсию провести может, но и прибирается здесь. Самый яркий для Марины экспонат — лодка; потому что она подлинная. Та, в которой Ленина перевозили. Вот ведь как и страны той нет — а лодка стоит. Прочие экспонаты — орудия труда — копии (написано, что оригиналы в Москве в Центральном музее), но эти «копии» музею передали сами Емельяновы, так что утверждать, что Ленин за эти грабли не держался, — нельзя.

Посетители разные — был как-то один профессор — хирург, кажется, еще практикующий. Сказал, что сам из семьи кулаков — а сюда приехал, потому что благодарен советской власти: без нее он такого образования не получил бы.

Если сами не знаете, непременно спросите у Марины, как пройти к «зеленому кабинету»: самостоятельно можно и не заметить два пенечка («стул» и «стол»), на которых Ленин писал «Государство и революцию».

...И вот этот человек, прячущийся, сжираемый комарами, говорил приехавшему к нему Серго Орджоникидзе, что не далее как в октябре вооруженным путем власть будет взята.

Анастасия ДОЛГОШЕВА
Фото Натальи ЧАЙКИ

горым висит угроза? Одно из них в тот период ищет: «Если меня

тратить Ленина в ричина — недалеко-возможность арендландии, хоть и о империю, — о-причины уйдем в

здание. И понима-места не сыскать: ужейный завод! И з потомственные. / времени заводу ебе представить, передовой отряд щие обращаться ых... по закону рать на войну! И — большевики.

ОТСУТВИЕМ СТАВА ПУПЛЕНИЯ»

ии: Ленин с парирой; Емельяновы ександрович и Наратьевна; Кондра-нов, сын — в юн-лса идеями анар-чо спорил с Ильи-шать бы, как дис- (47-летний мужчи-ний парень. (Кон-м перекуется, ста-виком. А потом 38-м его, вероят-зляли.) Фото дома

на 10-й Рождественской (ныне — 10-й Советской), откуда 9 июля поздним вечером вышли трое человек (Ленин, Сталин и Аллилуев). Пройдет несколько часов («табуретка не остыла») — и туда явятся юнкера с приказом Керенского арестовать Ленина. «Всего 4 — 5 часов — и вся история государства могла бы пойти по-другому» — такую фразу здесь говорят нередко.

На стене — копия документа: «Дело в отношении Емельянова Николая Александровича пересмотрено Военной Коллегией Верховного суда СССР 24 апреля 1954 года. Постановления особого совещания при НКВД СССР от 31 марта 1935 года и 3 января 1936 года отменены. Дело за отсутствием состава преступления в уголовном порядке прекращено, и Емельянов Н. А. полностью реабилитирован». От репрессий семью Емельяновых не уберегла даже похвальная характеристика, данная Лениным. «Оттуда» вернулись не все. Надежда Кондратьевна и Николай Александрович вернулись; есть фотография: зима, два старичка, 1956 год. Дожили они до 58-го.

ЧЕЛОВЕКИ С РУЖЬЯМИ

Ленин жил в сарае — по разным источникам — 2 или 3 дня. Александр Николаевич полагает, что только 2 дня. «Вот вы представьте себе такую картину. 10 июля; в Петрограде неразбериха — но в Сестрорецке народ живет мирной дачной жизнью. Веселье, выставки, концерты, к Репину масса народу ездит... И вдруг в эту благодать врываются — здрасьте! — 6 броневиков! Это покруче, чем сейчас встретить в городе танки: тогда броневи-

ков и не видели еще толком. Натерпелись здесь страху, как вы думаете? Неужели вы бы стали тут отсиживаться 3 дня? Да сразу бежали бы! Броневики не из-за Ленина приехали — а чтобы разоружить местную ячейку рабочих-большевиков, так ведь у Емельяновых и Ильич, и оружие спрятано! Что бы вы делали? Через два часа к вам с обыском придут... И вот что придумали: Николай Александрович со старшим сыном Александром собрали все винтовки, сын залезал на деревья и развешивал оружие по ветвям. Когда с обыском пришли — нужно было просто голову задрать. Не догадались... Те деревья и сейчас стоят».

Соколов произносит: «визуализируем ситуацию» — и мы гуськом крадемся той же тропинкой, которой шли поздним июльским вечером 4 человека: Николай Емельянов, Ленин, Александр Емельянов, Зиновьев; со скрипом отпираем калитку, выходим к воде — «и на двух лодках через протоку по озеру поплыли на ту сторону. И начинается вторая, более длительная часть их приключения: в шалаше Ленин жил до 9 августа, почти месяц. Сыновья Емельяновы дежурили по лодке, доставляли к Ленину людей, прессу. Ильич, когда к Емельяновым приехал, беспокоился, что там 7 детей: не проболтались бы. Но — никто ни звука».

Этой конспирацией так проникаешься, что когда Соколов задает вопрос на за-сыпку «где, по-вашему, Ленин любил пить чай?» — без заминки укажешь то самое

место в углу сарая, недалеко от окна: ему все видно, что на улице делается, а сам — невидим.

Что-то, а «визуализировать ситуацию» Александр Николаевич умеет. Вот он читал протоколы обычных музейных проверок; например, такое: комиссия приехала на платформу Разлив — и что мы видим: стоит указатель «Дорога к сараю Емельяновых»; что за безобразие?! Это сарай нашего вождя Владимира Ильича Ленина! (а год той музейной проверки — 38-й, и Емельяновы уже репрессированы). Или вот еще: в ходе осмотра на одном из стендов обнаружена фотография врага народа Зиновьева! «Читай это, можно понять, сколько за этими словами чьих-то слез и горя, и сколько арестов потом было».

...В комнате, где все о Ленине, есть и стеллаж, посвященный... военно-морскому флоту. Соколов, как бывший военный моряк, не остался в стороне от недавнего профессионального праздника. И фотографии подлодок есть: «Весь мировой подводный флот начался тут, на озере Сестрорецкий Разлив! Ведь тут Петру I свое потаенное судно изобретатель демонстрировал, в двух шагах от нас». Это обстоятельство тоже вписывается в концепцию развития здешних территорий.